

ДЕКОДИРОВАНИЕ МОДЕЛИ МИРА В ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМУНИКАЦИИ

А. Н. Овчинникова
(Белорусский государственный университет)

Прикладной аспект межкультурной коммуникации реализуется в образовательной практике для подготовки специалистов в области межкультурных отношений. На фоне субъект-субъектных и субъект-объектных отношений между преподавателем русского языка как иностранного и учащегося-инофона актуально выделить в качестве основного инструмента действия – слово, а в качестве основного результата действия – полное взаимное понимание, когда культурные, вербальные и невербальные коды совпадают.

В целях более эффективного приложения современной теории межкультурной коммуникации к профессиональной сфере межкультурного общения нами актуализируется праксеологический феномен Т. Котарбинского. **Праксеология** как общая теория эффективной, правильной («исправной») организации любой деятельности строится на общих принципах ее целесообразности. *«При выполнении любой работы всегда налицо какой-то виновник (агент действия), какой-то произвольный импульс, какой-то материал, какое-то изделие, какой-то инструмент или орудие, какой-то способ действия, какая-то цель, какой-то продукт труда»* [1, с. 43].

В контексте исследования межкультурного взаимодействия и определенных видов вербальной и невербальной деятельности нам видится актуальным обращение к моделям порождающей праксеологии, обозначенным средствами УСК-представления В.В. Мартынова как заданный список первичных неопределяемых понятий, сводимый к четырем примитивам: X – субъект, действующее лицо, целенаправленный деятель, живое существо или интеллектуальный робот, Y – инструмент, орудие субъекта, двигатель, потенциально замещающий субъекта, Z – объект воздействия целенаправленного деятеля, W – результат [2, с. 45]. В.В. Мартынов поддерживал праксеологическое направление

Т.Котарбинского и подчеркивал универсализм самого термина *праксеология*–действие.

Системные правила праксеологической теории Т. Котарбинского–И.И. Мартынова прилагаются нами к действующим моделям русского знакообразования. С целью уточнить понятие «способ словообразования» в соответствующем разделе методики преподавания русского языка как иностранного нами также развиваются идеи Я. Розвадовского [3] и В.В. Мартынова об этимологической процедуре реконструкции двухкомпонентности знака [4]. Согласно теории номинации Я. Розвадовского, всякий акт номинации есть порождение двусоставного образования–номинативной единицы, которая может конденсироваться в однокомпонентную (например, *родимое пятно*–*родинка*), а может сохранять свою двухкомпонентную структуру (*белое пятно*). Известно, что в речи постоянно работает механизм **деривационной редукции**, позволяющий сконденсировать предложение без существенных потерь смысла. Например: *Люди рубят лес + Люди впервые поселились в Сибири = Лесорубы–первые поселенцы Сибири* [5, с. 131]. Редукция подобного вида в дальнейшем может перейти в семантическую конденсацию и инициировать деривационный процесс в соответствии с существующими или потенциально возможными в языке знакообразовательными моделями.

Элементарные правила семантического преобразования языковых знаков проявляют себя в китайских иероглифах с семантикой движения. Например: 动力 *dònglì* *движущая сила; энергия* [6, с. 206–207]; букв. «двигать силу». Иероглиф 动 *dòng* *двигаться; шевелиться (шевеление); двигать кого-что; шевелить кого-что* включает древнюю пиктограмму 云 *yún* «clouds floating about» [7, с.594]–*вихревое облако*. Иероглиф 力 *lì* *сила* в древности представлял собой изображение *сохи* в виде деревянной палки с раздвоенным концом для копания и рыхления («a farm implement for ploughing») [7, с. 231]. Сравним результаты реконструкции семантики лексемы *рух* в белорусском языке.

Рух «перамяшчэнне»; в прасл. дыял. *рухъ «рух» < *rusti «рыць, капаць, пераварочваць» (напрыклад, зямлю) < *rušiti «надаваць рух, піхаць, штурхаць, пераварочваць, здальваць» (гл. *рушыцца, рушыць*). *Рухаць* «перамяшчаць», «прыводзіць у рух, прымушаць дзейнічаць», «кранаць» (ТСБМ). Прасл. *ruhati, суадноснае з *rušiti. Сюды ж *рухавы* «хуткі, жывы», *рухлівы* «тс» [8, т. 11, с. 219–220]. Лексема *завіруха* по совпадению фонетической оболочки может быть соотнесена с лексемой *вихрь* (с метатезой в корне **-рух-** // **-хр-**). Согласно сформулированному Я. Розвадовским закону о двучленной структуре каждого вновь образуемого понятия [3], считаем более точным восстановить буквальную

бинарную структуру – *завіты рух*. Семантическая конденсация является результатом естественного для любого языка количественного сокращения корневых слогов.

Выбор семантического развития языков, родство которых в настоящее время не является бесспорным, может определяться в зависимости от набора общих «генов» в протодиалекте (англ. *Root*; бел. *рух*, рус. *корень*, кит. 樹根 *shùgēn* *корень дерева*). Так, первичным представлением о перемещении могло быть предельно конкретное восприятие *растущего растения, корня (рух руха)*. Более поздние значения можно считать первичными метафорами, отражающими переход человека от конкретного восприятия мира к абстрактному» [9, с. 188-189].

Естественный язык нужен человеку для декодирования модели мира и сознательного управления интеллектуальной деятельностью. Но бесконечно малый для декодирования модели мира объем языка создает серьезную гносеологическую и *праксеологическую* проблему, поскольку невозможно установить одно-однозначное соответствие (термин В. В. Мартынова) между знаками языка и стереотипами модели мира, в результате рождаются метафоры, что неизбежно приводит к сбоям в понимании ситуации и принятии адекватных решений [10].

Проблемы в изучении языка возникают на уровне языковой картины мира, но не на уровне модели мира. Исследование национально-культурных компонентов в языке и способов трансляции культурных стереотипов показывает, что на уровне модели мира проблем межкультурной коммуникации не возникает, во всех языках мира существуют универсальные понятия – стереотипы, благодаря которым возможно адекватное общение. Не случайно в разное время разные люди могут создавать приблизительно одни и те же тексты. Модель мира универсальна, языковая картина мира индивидуальна. Введение в теорию и практику межкультурной коммуникации понятий лингвистической семантики позволяет решить целый ряд прикладных задач, связанных с историей формирования и развития этносов, их культуры и психологии.

1. Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе = *Traktat o dobrej robocie*. Wydanie trzecie, poprawione i rozszerzone / Т. Котарбинский : под ред. проф. Г. Х. Попова ; пер. с польск. Л. В. Васильева и В. И. Соколовского. – М. : Экономика, 1975. – 272 с.

2. Мартынов, В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В. В. Мартынов. – Минск : ЕГУ, 2001. – 140 с.

3. Rozwadowski, J. *Sowotwórstwo i znaczenie wyrazów* / J. Rozwadowski. – Warszawa : Wybor pism, 1960. – Т. III. – 270 с.

4. Мартынов, В.В. Этимология и скрытая двухкомпонентность слова / В.В. Мартынов // *Studia etymologica Brunensia* 2.–Praha, 2003.–С. 81–91.
5. Мартынов, В.В. Категории языка: Семиологический аспект / В.В. Мартынов.–М. : Наука, 1982.–192 с.
6. Китайско-русский словарь. 汉俄词电. HAN-E CIDIAN.–Пекин : Шанву иншугуань, 1992.–1250 с.
7. *The Composition of Common Chinese Characters an Illustrated Account.*–Peking University Press, 1997.–652 с.
8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 11. О–С / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад. В.Л. Авілава [і інш.] ; рэд. Г.А. Цыхун.–Мінск : Беларус. навука, 2006.–333 с.
9. Овчинникова, А.Н. Семантика китайских иероглифов в контексте сопоставления с бинарными структурами протодиалекта белорусского языка / А.Н. Овчинникова // *Беларуская пісьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гістарычнага працэсу XI–XIX стагоддзяў: вытокі, традыцыі, уплывы : матэр. Рэсп. Навук.-практ. канф. (Мінск, 24 мая 2010 г.)*. / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі.–Мінск : Права і эканоміка, 2010.–С. 185–189.
10. Гордей, А.Н. Методология изучения китайского языка с опорой на универсальные семантические категории / А.Н. Гордей, А.Н. Овчинникова // *Третьи чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова (Минск, БГУ, 13–14 марта 2009 г.) : сб. науч. ст. / редкол.: А.И. Головня [и др.]*.–Минск : РИВШ, 2009.–С. 53–64.